

ПУШКИНСКОЕ САВКИНО: ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОДТЕКСТЫ И «ЛОГИКА» МИФОТВОРЧЕСТВА*

В статье анализируются варианты комментариев к характеристике пушкинского Савкино. Выдвигается гипотеза о наличии авторского литературного описания данного локуса в черновиках романа «Евгений Онегин». Рассматривается жанровая специфика «деловой» переписки поэта с П. А. Осиповой в 1831 году, приводящая к выводу о присутствии в ней биографических и творческих подтекстов. Исследуется вопрос о спонтанных исторических изменениях местной топонимики, приводящих к искажению адекватного восприятия данного места в качестве «пушкинского».

Ключевые слова: единственное упоминание, творческая предыстория, литературный ландшафт, мифотворчество.

V. Y. Kozmin

SAVKINO: THE PUSHKIN LITERARY IMPLICATIONS AND MYTHMAKING «LOGIC2»

This article analyzes the options for comments to Pushkin's Savkino. The author proposes the hypothesis of the authentic literary description of this locus in the drafts of the novel «Eugene Onegin». The article discusses the genre specificity of the poet's «business» correspondence with P. A. Osipova in 1831, which leads to the conclusion that this correspondence contains biographical and artistic implications. The article explores the issue of spontaneous historical changes of local place names resulting in the distortion of the adequate perception of this place as «Pushkin place».

Key words: the only mention, creative background, literary landscape, myth-making.

В сознании многих поколений — и читателей, и просто почитателей — А. С. Пушкин — это Поэт, чья жизнь целиком и полностью была посвящена творчеству. Поэтому особый интерес представляет письмо А. С. Пушкина П. А. Осиповой от 29 июня 1831 года, в котором автор высказывает вполне прозаическое желание приобрести земельный участок в окрестностях Михайловского: «Я откладывал намерение свое написать к вам, ожидая с минуты на минуту вашего к нам приезда; но обстоятельства не позволяют мне более на это надеяться. И так, милостливая государыня, письменно поздравляю вас и желаю Евпраксии всего того счастья, какое только возможно на земле и которого так достойно существо столь благородное и кроткое. ...Да сохранит господь Тригорское от семи казней египетских. Живите счастливо и спокойно и да придет время, когда я опять буду жить в вашем соседстве! И к слову сказать, если бы я не боялся быть нескромным, то попросил бы вас, как добрую со-

* Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда по проекту-победителю конкурса проектов в области гуманитарных наук №14-14-60001 «Русская усадьба: региональные и общекультурные аспекты».

седку и дорогого друга, уведомить меня, не могли бы я приобрести Савкино и на каких условиях. Я бы выстроил себе там хижину, поместил бы в ней свои книги и приезжал бы проводить несколько месяцев в году вблизи моих добрых и старых друзей. Что вы скажите, сударыня, о моих воздушных замках или хижинке в Савкино. Меня восхищает эта мысль и я постоянно к ней возвращаюсь..» [16, с. 430]. В этом и нескольких последующих письмах, связанных с желанием приобрести землю между Михайловским и Тригорским, содержится единственное пушкинское упоминание о Савкино.

В краеведческой литературе встречается ряд комментариев того, почему именно это небольшое сельцо стало столь притягательным для поэта в начале 1830-х годов. С. С. Гейченко в «Путеводителе» 1950 года мотивировку пушкинского желания купить Савкино объясняет сложностями «петербургского» периода жизни поэта в 1830-х годах: «Жизнь в Петербурге становится для него (Пушкина — прим. В. К.) все тяжелее, всё невыносимее. И Пушкин мечтает в 1831 году приобрести маленькую деревушку Савкино, близ Михайловского, построить хижину там, перевезти туда свою библиотеку и проводить несколько месяцев в году» [4, с. 54].

Тот же автор в 1965 году пишет еще об одном привлекательном компоненте Савкино, заключающемся в природной красоте места: «Савкина горка была одним из любимых мест Пушкина.

Она привлекала его своей уединенностью, красотой открывающегося с нее пейзажа, обаянием древности. Заветным желанием поэта было приобретение этого уголка, принадлежащего трем мелким помещикам Затеplinским. Пушкин неоднократно возвращался к нему, особенно в те годы, когда все его помыслы были направлены к одной цели — вырваться, бежать из душной обстановки аристократического «свинского» Петербурга в свою простую «деревеньку на Парнасе...» [3, с. 26].

Естественная красота места, как доминирующий фактор пушкинских устремлений, отмечен в книге В. С. Бозырева в 1987 году: «Савкина горка была одним из любимых мест Пушкина. Отсюда открывается великолепный вид на Михайловское и Петровское, на старинные деревни Зимари и Дедовцы. Широко раскинулись зеленые луга, среди которых голубой лентой извивается Сороть, а за лугами виднеется озеро Кучане...» [1, с. 73].

Впрочем, еще ранее А. М. Гордин почувствовал в «савкинском векторе» пушкинских желаний нечто большее: «О любви к Савкиной горке, как месту творческого вдохновения, говорит и намерение Пушкина позже в 1831 году, приобрести ее» [6, с. 138]. К сожалению, автор не указал на результат этого творческого вдохновения, каковым, по логике, должен был стать литературный текст. Спустя полвека в книге «Пушкин в Михайловском» А. М. Гордин, по-видимому, так и не обнаружив доказательств того, что Савкино стало стимулом для создания поэтических произведений, убирает первоначальный тезис и ограничивается простой констатацией факта переписки [7, с. 374]. Тем не менее, высказанная еще в предвоенном 1939 году гипотеза о возможных творческих отражениях данного места в литературе, представляется нам весьма продуктивной. Даже при отсутствии адресных авторских указаний на Савкино в его произведениях.

Савкино в 1831 году было небольшим, в один двор, сельцом, находившимся рядом со славянским городищем IX–XII вв. К настоящему времени городище в литературе и документах носит название «Савкина Горка». Со времени первого приезда

Пушкина в Михайловское летом 1817 года и сельцо и городище оказались в сфере визуальных впечатлений поэта. Наиболее часто посещаемым поэтом домом в округе было Тригорское, а попасть туда можно было только через Савкино, следуя двумя дорогами. Одна шла верхом мимо того места, где в настоящее время находятся «Три сосны». В пушкинское время между соснами и сельцом лес отсутствовал, земли распаханы, а «Три сосны» выполняли функцию «межевых столбов» [10, с. 23]. Отсюда Савкино просматривалось, как говорится, как на ладони. Другая дорога проходила берегом реки Сороть, мимо нынешнего «Холма лесистого» и городища.

В 1827–1828 гг. Пушкин работает над седьмой главой романа «Евгений Онегин». В строфе XV присутствует описание путешествия Татьяны в покинутый героем дом. По ходу путешествия перед героиней предстают ландшафты и детали местности, находящейся где-то между домом Лариных и помещьем Евгения Онегина:

Был вечер. Небо меркло. Воды
Струились тихо. Жук жужжал.
Уж расходились хороводы;
Уж за рекой, дымясь, пылал
Огонь рыбакий. В поле чистом,
Луны при свете серебристом
В свои мечты погружена,
Татьяна долго шла одна.
Шла, шла. И вдруг перед собою
С холма господский видит дом,
Селенье, рощу под холмом
И сад над светлою рекою.
Она глядит — и сердце в ней
Забилось чаще и сильнее [15, с. 144–145].

С рядом оговорок в этом литературном описании можно обнаружить приметы того визуального ряда, который предстал перед взором Пушкина, когда он сам возвращался из Тригорского в Михайловское. В частности, это соответствующие или совпадающие с действительностью приметы: «роща под холмом» и «сад над рекой» (Соротью — В. К.). Некая безымянная река «сопровождает» героиню пушкинского романа на протяжении всего пути. Вдоль реальной реки под названием «Сороть» лежал путь Пушкина из Тригорского в Михайловское. Если наложить литературный ландшафт на карту окрестностей Михайловского, то местом, откуда можно было увидеть «господский дом», является именно Савкино. В районе «верхней дороги» — это возвышенность, на которой растут знаменитые «Три сосны». В районе «нижней» — городище Савкина Горка или же находящаяся рядом так называемая «Воронья гора».

С рекой связана еще одна устойчивая и повторяющаяся в «михайловских» произведениях Пушкина тема, тема рыбака. В романе Татьяна на своем пути видит: «огонь рыбакий за рекой». Ранее в стихотворении «Деревня» (1819) перед автором предстает следующая картина:

Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбака белеет иногда... [12, с. 82].

В том же году и в том же месте создается пятая песнь «Руслана и Людмилы». И здесь присутствует все та же топография и все тот же персонаж:

...От рассветающего дня
Долина с рощею прибрежной
Сквозь утренний сияла дым.
Руслан на луг жену слагает,
Садится близ нее, вздыхает
С уныньем сладким и немым;
И вдруг он видит пред собою
Смиранный парус челнока
И слышит песню рыбака
Над тихоструйною рекою.
Раскинув невод по волнам,
Рыбак, на весла наклоненный,
Плывет к лесистым берегам,
К порогу хижины смиренной.
И видит добрый князь Руслан:
Челнок ко берегу приплывает... [14, с. 68–69].

И, наконец, в элегии «...Вновь я посетил», обобщающей и подытоживающей опыт визуального «общения» поэта с окрестностями Михайловского, присутствует все тот же «рыбак», плывущий по все тому же озеру:

Плывет рыбак и тянет за собою
Убогой невод... [13, с. 399].

Возможные отражения реальной топографии местности между Михайловским и Тригорским в описании пути Лариной и повторяющиеся мотивы «реки» и «рыбацкого челна» имеют, вероятно, некую соотнесенность с действительностью. Но с одинаковым успехом реку, рыбацкий костер или рыбацкую лодку поэт мог видеть и из окон собственного дома, и с «вершин» Тригорского, и из Савкино. Из вышеперечисленных текстов трудно вычленить описание реального Савкино. Другие — отсутствуют. Поэтому, казалось бы, у пушкинского письма с просьбой о покупке Савкина нет литературной предыстории. Точно так же, как нет и предыстории биографической, так как название сельца не встречается ни в переписке поэта, ни в мемуарной литературе.

Тем не менее, само письмо демонстрирует факт особой значимости, избранности данного места для поэта. О том, что пушкинское желание не было случайным, свидетельствует внимательное прочтение письма и ряд сопутствующих его написанию факторов. Странно, но ни один из комментаторов не обратил внимание на то, что мысль о покупке Савкино возникает в пушкинском письме спонтанно: «И к слову сказать...», и является развитием другой темы, ставшей причиной появления данного текста. Пушкинское письмо — это, по сути, поздравление П. А. Осиповой в связи со свадьбой ее дочери Евпраксии Николаевны. Какая логическая связь между замужеством соседки и желанием женатого поэта поселиться рядом с счастливым семейством? На уровне бытовой логики таковая отсутствует. На наш взгляд, причина в ином: в сложном переплетении реальности и литературного вымысла, существовавших в отношениях между Пушкиным и тригорскими барышнями.

Евпраксия Николаевна Вульф, дочь П. А. Осиповой. Однако Евпраксия, Зина, Зизи — не просто псковская знакомая поэта. Она еще и адресат пушкинской лирики и прототип героини пушкинского романа «Евгений Онегин». Можно много спорить

о степени сходства между реальной девушкой и литературным персонажем, но факт подобного отождествления обозначил сам поэт, подарив Евпраксии в 1828 году вышедшие в одной книжке IV и V главы романа с надписью «Твоя от твоих». Поэтому вполне вероятным представляется наличие в письме «онегинского» подтекста, спровоцированного поздравлением бывшему «оригиналу».

Актуализации данного сопряжения способствовало то обстоятельство, что спустя некоторое время после создания «деревенских» и «московской» глав романа автор, персонажи и прототипы вступили в новую фазу взаимоотношений. За год до этого, в восьмой главе, Пушкин «выдал замуж» свою героиню. В начале 1831 года женился сам автор. Летом того же года прототип, Евпраксия, выйдя замуж за барона Вревского, в реальной жизни «подтвердила» сюжетную линию романа — замужество Татьяны Лариной. Литературные «пророчества» автора романа с разной степенью достоверности стали осуществляться в жизни. И в этом присутствовала особая «игровая» интрига пушкинского поздравления, вполне соответствующая той «игре» в литературу, которая в целом была характерна для Тригорского. Только на этот раз обитатели играли не в героев французских романов, а в персонажей романа в стихах, созданного на их глазах и не без их косвенного участия.

Близкое по содержанию письмо в феврале 1830 года Пушкин отправил К. А. Собаньской, также в свое время оказавшейся в роли Музы поэта: «Среди своих мрачных сожалений меня прельщает и оживляет одна лишь мысль о том, что когда-нибудь у меня будет клочок земли в Крыму <...> Там я смогу совершать паломничество, бродить вокруг вашего дома, встречать вас, мельком вас видеть...» [16, с. 399]. Любовь с примесью романтической несбыточности, характерной для «крымских» стихов Пушкина, — вот побудительные мотивы заведомо неосуществимых планов относительно приобретения земли в Крыму.

Нельзя исключить полностью наличия чувственного аспекта воспоминаний поэта и по отношению к Собаньской, и по отношению к Евпраксии Вульф. Особенно, если учесть тот факт, что молодая жена поэта пока еще не «присутствует» в планах Пушкина относительно строительства уединенной «хижины — кабинета» в Савкино. Лишь ради соблюдения формальности автор делает внизу своего первого «савкинского» письма сухую приписку: «...примите также поклон от моей жены в ожидании случая, когда я буду иметь удовольствие представить ее вам» [16, с. 430]. Позже, в 1834 году в сохранившемся плане продолжения стихотворения «Пора, мой друг, пора! покоя сердце просит...» жена и мать детей поэта станет полноправным участником переселения в «обитель дальнюю»: «Юность не имеет нужды в athome, зрелый возраст ужасается своего уединения. Блажен, кто находит подругу, тогда удались он домой. О, скоро ли перенесу я мои пенаты в деревню — поля, сад, крестьяне, книги, труды поэтические — семья, любовь etc. — религия, смерть» [13, с. 941]. Вероятно, эта «державинская» модель сельской жизни связана с переездом Болдино, о чем поэт писал Н. Н. Пушкиной в мае того же 1834 года: «Дай бог тебя мне увидеть здоровою, детей целых и живых! да плюнуть на Петербург, да подать в отставку, да удрать в Болдино, да жить барином» [15, с. 150]!

В 1831 году Наталья Николаевна пока еще «чужой» игрок в том реально-художественном мире, который сформировался до этого в Михайловском. Как, впрочем, и Евпраксия Николаевна Вревская, оказавшаяся в роли замужней женщины. Брак становится своеобразным рубиконом и поводом вспомнить о том, что было до его

перехода. А «до» для поэта неизбежно воспринимается сквозь призму художественного восприятия и действительности, и действующих персонажей. Соответственно и пушкинская «хижина» в Савкино в большей степени становится плодом литературной рефлексии, нежели обдуманном планом приобретения участка земли и строительства дома.

Слово «хижинка» является сигналом к художественному восприятию пушкинской просьбы. Г. О. Винокур относит его к словам, «означающим жилище поэта» [2, с. 375]. «Хижина» и «хижинка» в письме входят в указанный ряд слов и явно апеллируют к литературной традиции, закреплённой в таких стихотворениях как, например: «Хижина на Рпени» И. М. Долгорукова, «К моей хижине» П. И. Шаликова, «Моя хижина» А. А. Дельвига. В том же значении слово «хижина» присутствует в поэзии самого Пушкина: «Блажен, кто в шуме городском...», «Монах», «Братья-разбойники» и т. д. Все тот же условный литературный мотив присутствует и в желании «поместить» книги в савкинской «хижинке» поэта. Идея обязательного наличия кабинета в деревне возникает еще у А. Д. Кантемира в стихотворении «О жизни спокойной»: «...Либо при огне книжку покойно читаю» [9, с. 45].

Тема получает развитие в произведениях И. Д. Долгорукого «Кабинет мой» [9, с. 145–147] и П. И. Шаликова «К моей хижине»:

...Но книги, но портрет, но бюст людей великих
В немой беседе их не примечаю дня [9, с. 148].

Тема уединенной сельской жизни в окружении книг присутствует и в ранних стихотворениях Пушкина: «Городок», «К Юдину». С «книжкой в руках» предстает перед читателем героиня пушкинского романа Татьяна Ларина.

Литературное наполнение слова «хижинка» приводит к непониманию со стороны П. А. Осиповой, которая воспринимает слова поэта дословно и пытается уточнить параметры поэтизма: «Савкино может служить приютом лишь на два летних месяца, и если вы его приобретете, то потребуются целое лето, чтобы сделать его обитаемым» [16, с. 440]. По ходу переписки поэт волей-неволей втягивается в хозяйственные проблемы, связанные с покупкой. Дело доходит до того, что идея соседства с Тригорским начинает превалировать над идеей приобретения именно Савкино. В письме П. А. Осиповой 29 июля 1831 года Пушкин сообщает: «Отдаю в ваши руки свои интересы и планы. Не важно будет ли это Савкино или какое-нибудь другое место; я только хочу быть вашим соседом и владельцем красивого уголка» [16, с. 433].

В результате «воздушные замки» так и не были построены. Ни в Савкино, ни в Крыму, ни в каком-то другом месте. Наверное, потому, что изначально они были «воздушными». И потому еще, что именно мысль о приобретении именно Савкино была изначально в пушкинском желании приобрести землю в окрестностях Михайловского. А связано это желание не с будущим, а с прошлым, в котором Савкино уже обрело некую литературную значимость.

В том, что живописное место между Михайловским и Тригорским находилось в поле зрения Пушкина в годы пребывания в родовом поместье, сомнений нет. В поле зрения поэта Пушкина Савкино попало за год до письма Осиповой, в 1830 году в Болдино. В произведениях, созданных здесь, не только реализуются замыслы и проекты, начало которым было положено на Псковской земле, но проскальзывают порой нотки ностальгии по покинутому Михайловскому. Так, к примеру, в стихотворении «Румяный критик мой, насмешник толстопузый» присутствует очевидное сравнение ландшафтов Нижегородчины и Псковского края:

Смотри, какой здесь вид: избушек ряд убогой,
За ними чернозем, равнины скат отлогой,
Где нивы светлые? где темные леса? [13, с. 236].

Однако «светлые нивы» и «темные леса» — довольно общая характеристика Святогорья. Значительно более точный и адресный пейзаж появляется болдинской осенью 1830 года в строфе, обращенной к Тригорскому:

...И берег Сороти отлогий
И полосатые холмы
И в роще скрытые дороги,
И дом, где пировали мы —
Приют сияньем Муз одетый
Младым Языковым воспетый... [15, с. 506].

Тогда же поэт создает первый вариант строфы 42, впоследствии, после переработки, вошедшей в восьмую главу романа под цифрой XLVI:

«А мне, Онегин, пышность эта,
Постылой жизни мишура,
Мои успехи в вихре света,
Мой модный дом и вечера,
Что в них? Сейчас отдать я рада
Всю эту ветошь маскарада,
Весь этот блеск, и шум, и чад
За полку книг, за дикий сад,
За наше бедное жилище,
За те места, где в первый раз,
Онегин, встретила я вас,
Да за смиренное кладбище,
Где нынче крест и тень ветвей
Над бедной нянею моей... [16, с. 188].

В первом варианте строфы, написанной осенью 1830 года, с начала строфы до строк, в которых перечисляются отдельные детали прошлой деревенской жизни Татьяны, нет ни одной правки. Далее следуют сплошные исправления. Сначала отрывок выглядит следующим образом:

За домик наш, за дикой сад,
За мельницу, за городище... [16, с. 635].

Затем вместо «домик наш» появляется: «полку книг». Вместо «мельницу, за городище» автор пишет: «бедное жилище». По ходу над зачеркнутым «мельн...» автор пишет «озеро», но затем тоже зачеркивает. Характер работы над строфой свидетельствует о том, что в процессе ее создания совместились два слоя воспоминаний. Первый, авторский, связанный с воспоминаниями о жизни в Михайловском, посещениями Тригорского и, на наш взгляд, описание «золотой» середины между двумя усадьбами — Савкино. Второй слой — сугубо литературный, принадлежащий героине романа Татьяне Лариной. В первоначальном наброске строфы отсутствовала смысловая симметрия романа. По логике героиня должна вспоминать то, что в предыдущих главах «предписал» ей автор.

«Озеро» и «дикий сад» имеют прямое отношения к литературному ландшафту окрестностей «Дома Лариных». В контексте воспоминаний, нахлынувших на Татьяну в связи с появлением Онегина, появление этих литературных реалий вполне ло-

гично, так как ранее в романе в парке у озера состоялось ее первое свидание с героем. «Полка книг» также входит в число ранее упомянутых автором особенностей деревенского бытия. «Книжки» — те самые романы, из которых героиня, «Себе присвоив // Чужой восторг, чужую грусть», черпала вдохновение, когда писала письмо Онегину. Но здесь же первоначально присутствовали также детали, не совсем точно отражающие черты «прошлой» жизни героини. В тексте появляется определение «домик», которое автор изменяет на более «ларинское» определение: «бедное жилище». Слово «домик», входит в тот же ряд условных обозначений жилища поэта, что и «хижина» [2, с. 375] и в большей степени характерно для лирической поэзии. Кроме того, определение «счастливый домик» ранее, в 1819 году, появляется в стихотворении «Домовому» и явно соотносится с Михайловским. «Городище» автор меняет на «кладбище» няни Филипьевны, что также соответствует общей логике пушкинских правок, если вспомнить, что именно она оказалась в свое время единственным советчиком влюбленной хозяйки. «Мельница» также исчезает в последней редакции. В. Набоков обратил внимание на странную «некорректность» воспоминаний Татьяны по отношению к раскаявшемуся Онегину: «Что же до мельницы, то неприлично было бы Татьяне напоминать Онегину о той мельнице» [8, с. 592]. То есть, о той самой водяной мельнице, у которой был убит Владимир Ленский. Замечание тонкое, ставящее проблему, но не раскрывающее причины появления этой, явно диссонирующей с образом героини детали в первом варианте. Объяснением этого парадокса может служить специфика пушкинского романа, в котором сюжет сопровождается лирическими отступлениями автора, большую часть которых составляют воспоминания. В процессе работы над строфой автор сначала изображает некое географическое пространство, соединяющее в себе мельницу, озеро и городище. В Тригорском есть городище, городище Воронич. Но нет озера. Отсюда не видно ни озера Кучане, ни озера Маленец.

Воспоминания Пушкина о Михайловском по времени совпали с работой над текстом воспоминаний Татьяны Лариной о деревне, чем-то напоминающей окрестности Михайловского. Как следствие, героиня романа, вольно или невольно, «заговорила» на языке воспоминаний самого Пушкина. Авторская память всегда более точно отражает не только переживания, но и объективную реальность: ландшафт, архитектурные и исторические особенности. Единственным местом вблизи Михайловского, соответствующим воспоминаниям автора, является Савкино, где есть городище, откуда открывается вид и на «мельницы крылаты», и на «домик» поэта в Михайловском, и где рядом находится озеро Маленец. Поэтому, на наш взгляд, эмоциональный порыв Пушкина приобрести Савкино был подготовлен литературным текстом, в силу жизненных обстоятельств и ряда творческих сближений. Жизненные обстоятельства Пушкина к лету 1831 сложились таким образом, что возможный переезд в деревню становился сродни литературному бегству из города на лоно природы. Но, в отличие от «поэтических побегов» в стихотворениях «Как счастлив я...» и «Поэт», итогом «бегства» становилось реально-идеальное Савкино. В то же время поэт прекрасно сознавал разницу между «воздушными» поэтическими замками и суровой реальностью бытия. В этом и состоит причина быстротечности истории о том, как Пушкин хотел обрести покой и волю в Савкино, но так его и не обрел. Следствием «странных» творческих сближений стало уточнение поэтом деталей «романного» и «авторского» ландшафтов и выделение в последнем «савкинского» локуса. Работа над формированием последнего была продолжена Пушкиным в 1835 году в связи с созданием элегии «...Вновь я посетил». В элегии присутствуют характерные по-

вторяющиеся приметы местности, обозначенные еще в болдинских воспоминаниях: «озеро», «дом опальный», ветряная мельница, «три сосны», уточняющие географическую принадлежность данного текста к Савкино.

До начала XX века топонимика Савкино сохранялась в том виде, в каком ее знал А. С. Пушкин. Здесь находилась деревня (сельцо) Савкино и бывшее городище, получившее впоследствии название Савкина Горка. В 1996 году старожил деревни Нина Ивановна Иванова (1922 г. р.) поведала автору статьи некоторые сведения из истории деревни. В разговоре она посетовала на то, что: «Деды и прадеды называли горку с почтением: «Городище», а мы, молодежь, просто «Савкина горка». Несмотря на созвучие разница между «городищем» и горкой с точки зрения русского языка принципиальная. «Городище» происходит от слов: ограда, городить, огораживать. Главным признаком городища является крепостная ограда или ее остатки. Эти крепости зачастую строились на горах или горках, но возводились также в низинах. Напротив, «горка», всегда возвышенное место, на котором наличие городища вовсе необязательно. Поэтому не случайно в словах пожилой женщины сквозила скрытая печаль об утрате современным поколением памяти о героическом прошлом древнего города.

Письма Пушкина и его литературные произведения способствовали обретению Савкино высокого статуса в русской культуре. Та же литература, на этот раз, краеведческая, задала обратный процесс, превративший «городище» в «горку». В 1912 году вышла в свет книга Л. И. Софийского «Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем». В ней автор описывает древности Опочецкого уезда и обращает внимание на Воронич: «В одной-двух верстах выше Воронича на берегу реки Сороти до настоящего времени сохранилось одно древнее укрепление, это так называемая Савкина гора, находящаяся близ деревни того же названия» [11, с. 184]. Далее автор излагает местные легенды, выдвигает собственные гипотезы и приходит к следующему выводу: «Нет ничего удивительного в том, что Савкина горка в старину принадлежала Вороничу, и что там был монастырь» [11, с. 184]. Всего лишь на протяжении нескольких абзацев совершается два превращения. Впервые в печати появляется новое название городища: «Савкина гора». При этом Софийский замечает: «Так называемая...». Кем называемая, автор не уточняет. Но уж точно не коренными жителями Савкино! Поверхностная, лишённая исторической основы, форма знакомства с памятником, зачастую характерна и для сегодняшнего дня. С течением времени количество «краеведческих» огрехов переходит в качественно новое состояние, искажающее общее восприятие исторического места.

Под помещенной в той же книге фотографией присутствует и закрепляется в сознании читателя новое название, «увековеченное» Софийским, «Савкина горка». Субъективный взгляд и, как следствие, уничижительный суффикс «к» разрушил вековую значимость местной достопримечательности. Автор путеводителя по Пушкинским Горам Ф. А. Васильев-Ушкуйник в издании 1924 года «Пушкинские уголки Псковской губернии» еще называет городище «Савкина Гора» [18, с. 17], но его почин не был поддержан следующими поколениями популяризаторов пушкинской земли. Так «городище» стало Савкиной горкой.

Еще дальше — еще больше. В книге С. С. Гейченко «У Лукоморья» есть рассказ под названием «Савкин камень», в котором камень Саввы-попа несколько раз называется «Савкинским» [5, с. 328–330]. Очевидно, выдающийся музейщик вовсе не хотел обидеть почтенного священнослужителя, назвав его «по крестьянскому зва-

нию» Савкой. Но зигзаги истории и логика мифотворчества привели к тому, что камень, находящийся на городище, по недоразумению ставшем Савкиной Горкой, стал, еще по одному недоразумению, зваться Савкиным камнем.

Лингвистическое искажение исторических топонимов деревни Савкино привело к снижению статуса места как особого феномена в усадебной культуре пушкинского времени. Казалось бы, какое отношение небольшое сельцо, без парка, без помещичьего дома с колоннами, имеет к русской усадьбе?

Савкино располагалось между двумя классическими именами: Михайловским и Тригорским. Сельцо находилось в пределах визуальной доступности, как из дома поэта, так и из дома П. А. Осиповой. Очевидно, что это место радовало глаз созерцателя прекрасного. В тригорском парке в насаждениях со стороны реки Сороти прорубались так называемые «ландшафтные окна», расширяющие восприятие окружающего пейзажа. В настоящее время большая часть этих парковых «окоёмов» восстановлена. Если сейчас пройти по тригорскому парку, легко убедиться в том, что все эти «окна» смотрят в сторону Савкино, становившегося частью особого паркового мироощущения.

Проанализированные выше факты обращения Пушкина к Савкино позволяют классифицировать это место как особую форму литературного усадебного пространства. Изображенная в первом письме Осиповой формула жизни основана на традициях русской поэзии, рисующих идеальный образ жизни в деревне: без крестьян, скотных дворов и прочих не слишком утонченных сельских атрибутов. В то же время, пушкинское письмо — не литературное произведение, а деловая просьба, ориентированная на осуществление в реальном сельце. Поэтому, на наш взгляд, Савкино является своеобразным авторским «межусадьем». Как в географическом, так и культурологическом смысле.

Литература

1. Бозырев В. С. Музей-заповедник А. С. Пушкин. Л.: Лениздат, 1979.
2. Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М.: Учпедгиз, 1959.
3. Гейченко С. С. Михайловское: краткий путеводитель Л.: Лениздат, 1965.
4. Гейченко С. С. Пушкин в Михайловском. Псков: Псковиздат, 1950.
5. Гейченко С. С. У Лукоморья. Л.: Лениздат, 1986.
6. Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. Литературные экскурсии. Л.: Учпедгиз, 1939.
7. Гордин А. М. Пушкин в Михайловском. Л.: Лениздат, 1989.
8. Набоков В. В. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб.: Искусство-СПб, Набоковский фонд, 1998.
9. Сельская усадьба в русской поэзии XVIII — начала XIX века М.: ИМЛИ РАН, Наука, 2005.
10. Семевский М. И. Прогулка в Тригорское. Псков — Сельцо Михайловское: «Робин», 1999
11. Софийский Л. И. Город Опочка и его уезд в прошлом и настоящем (1414–1914 гг.). Репринтное издание. Псков. 1912.
12. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-и т. Т. 2. М.: Воскресенье, 1994.
13. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-и т. Т. 3. М.: Воскресенье, 1994.
14. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-и т. Т. 4. М.: Воскресенье, 1994.
15. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-и т. Т. 6. М.: Воскресенье, 1995.
16. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-и т. Т. 14. М.: Воскресенье, 1996.
17. Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 17-и т. Т. 15. М.: Воскресенье, 1996.
18. Васильев-Ушкуйник Ф. А. Пушкинские уголки Псковской губернии. (Сборник по устройству общеобразовательных экскурсий. Вып. IX.) М.: Товарищество В. В. Думнова, 1924.